

З. ПАПЕРНЫЙ

О МАСТЕРСТВЕ
МАЯКОВСКОГО

Редактор *А. Марусич*

Художник *В. Морозов*

Худож. редактор *И. Царевич*

Техн. редактор *С. Брусиловская*

Корректоры

Н. Тырса и И. Якимович

А 01366. Подписано к печ. 1/VII 1953 г.
Авт. л. 16,43. Уч.-изд. л. 16,75. Формат
бумаги $84 \times 108_{\frac{1}{2}}$ — 5,56 бум. л. = 18,25
печ. л. Тираж 20 000. Цена 7 р. 70 к.
(по прейскуранту 1952 г.) Заказ № 431

Типография № 3 Ленгорполиграфиздата

3. ПАПЕРНЫЙ

О МАСТЕРСТВЕ МАЯКОВСКОГО

經濟大學圖書館

登記.....

書碼.....

1954 壹月十五日

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Москва · 1953

С каждым годом, с каждым новым этапом на трудном и славном пути к вершинам коммунизма все более дорогой и необходимой становится поэзия Маяковского для советского народа.

Эта песня
 песней будет
наших бед,
 побед,
 буден, —

писал Маяковский в поэме «Хорошо!»

Свыше четверти века прошло с тех пор, но не стихла, не ослабела эта песня. Еще громче и победнее звучит она сегодня, легко перекрывая время и расстояния, отзываясь на каждую победу, на каждую народную радость и беду. И кажется, не из прошлого доносится к нам голос поэта, а из будущего, из того коммунистического завтра, к которому устремлена вся наша сегодняшняя жизнь.

Развиваясь во времени, в истории, все более могучим и ясным предстает перед нами облик Маяковского.

«Революции, — писал Ленин, — праздник угнетенных и эксплуатируемых»¹. Маяковский — певец торжества, великого праздника революционного народа. Вот почему так много радостной гордости, счастья, солнца в его стихах. Радость жизни для него —

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 9, стр. 93.

«Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи».

Советский патриотизм, партийность, народность, чувство национальной гордости, способное, как сказал И. В. Сталин, двигать горами, способное творить чудеса, все, что делает Маяковского лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи, — все это определяет не только взгляды, убеждения, позицию поэта, но и содержание всей его деятельности, художественное своеобразие, характер мастерства.

«...великолепным образцом служения советскому народу является Маяковский. Он считал себя бойцом революции и был таковым по существу своего творчества. Он стремился слить с революционным народом не только содержание, но и форму своих произведений...»¹

Эти слова М. И. Калинина указывают путь изучения поэтического мастерства Маяковского. Они предупреждают исследователя от попытки рассматривать идейное содержание произведений поэта в отрыве от художественной формы. В то же время они помогают понять всю юшибочность и недопустимость изучения формы независимо от содержания, как это делали формалисты — «теоретики» футуризма, Опояза, Лефа.

Изучать мастерство Маяковского — значит изучать его с точки зрения неразрывной связи содержания и формы, целостного единства произведений, проникнутых одним пафосом — пафосом боевого и самоотверженного служения революции, партии, советскому народу.

Эта книга посвящена некоторым вопросам поэтического мастерства Маяковского. Из всего многообразия проблем, встающих перед исследователем мастерства Маяковского, в книге освещаются лишь некоторые вопросы: образ, поэтический язык, ритм и рифма. Каждому из них посвящена отдельная глава. Вопросы

¹ М. И. К а л и н и н. О коммунистическом воспитании. «Молодая гвардия», 1946, стр. 84.

радость борьбы и победы. В своей программной статье «Как делать стихи?» (1926) он призывает славить «радость жизни, веселье труднейшего марша в коммунизм». В его стихах и поэмах воедино слились праздник жизни и трудовые будни.

«Хорошо» для Маяковского не то, что легко, но то, что трудно, что добыто трудом, завоевано в борьбе за коммунизм.

Маяковский принадлежит эпохе, которая нуждалась в титанах и породила титанов. Поэт-богатырь, он с огромной силой выразил тот прекрасный размах, который дал Октябрь творчеству народа. Он был поэтическим трибуном партии, пропагандировавшим ее великие идеи. В «Стихах о советском паспорте», в поэмах «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!», «Во весь голос», во многих других произведениях он утверждает силу, могущество и непобедимость социалистического отечества. Великий советский сатирик Маяковский наносит сегодня сокрушительные удары по царству доллара, по международным убийцам и поджигателям, костоломам и мясникам, по обывательской дряни, по бюрократам, чиновникам, помпадурам, по всякого рода Присыпкиным и Победоносиковым. В большом и самобытном даровании Маяковского, писала «Правда», отразился могучий и светлый талант русского народа¹. Новатор, пролагатель новых путей в искусстве, он продолжил и обогатил передовые традиции русской классической литературы.

Революцией мобилизованный и призванный, Коммунистической партией воспитанный сын народа — таким знают и любят Владимира Маяковского миллионы людей в нашей стране и за ее рубежами.

И все стороны многогранного творческого облика поэта охватываются и объединяются сталинской формулой, которая определила все великое значение поэзии Маяковского и выразила всю великую любовь к нему нашего народа:

¹ См. «За марксистское освещение творчества В. Маяковского». «Правда», 2 марта 1953 г.

которых своих высказываниях он перекликался с футуристами, но по коренным взглядам на жизнь и на искусство решительно с ними расходился.

Второй этап — с первых лет революции до начала работы над поэмой «Владимир Ильич Ленин» — явился качественно новой ступенью в творческом развитии поэта. Маяковский — автор «Левого марша», «Необычайного приключения», стихотворения «Мы не верим», автор тысяч «Окон РОСТА», пьесы «Мистерия-буфф» и поэм «Люблю», «150 000 000» — выступает как боец революции. Не ошибки и заблуждения, которые имели место и которые поэт честно и упорно преодолевал, а героическое служение революции, поэтическое обслуживание массового народного читателя определяют работу Маяковского этих лет. Уже в этот период поэт создает произведения, которые вошли в золотой фонд литературы социалистического реализма.

Третий этап литературной деятельности Маяковского — пора его высшей идейно-художественной зрелости, нового расцвета его дарования — открывается поэмой о Ленине, ознаменовавшей полное торжество принципов социалистического реализма. Поэмы «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!», вступление в поэму «Во весь голос», «Стихи о советском паспорте», «Товарищу Нетте», стихи о загранице и многие-многие другие произведения дают высокий пример слияния лирического «я» с жизнью страны, слияния творческой судьбы поэта и народа. Навсегда завоевали эти произведения любовь всего советского народа. Их читают, заучивают наизусть на десятках языков народов нашей страны, народов всего мира.

Именно произведения этого периода используются в книге прежде всего как примеры, важные для понимания творческого облика поэта, принципов работы Маяковского — зрелого, сложившегося мастера.

Вопрос о творческом развитии, эволюции поэта, не стоит в центре данного исследования. Однако, говоря о конкретных примерах мастерства Маяковского, автор старался хотя бы кратко наметить перспективу творческого развития поэта.

В статьях «Правды», горячо поддержанных

эти тесно связаны между собой — это различные грани единого целого, разные стороны работы Маяковского-мастера. Решая посильно эти вопросы, автор разбирает отдельные конкретные примеры; характерные для Маяковского, они все же не дают исчерпывающе-полного представления о всем его творчестве.

Мастерство поэта рассматривается здесь на материале произведений советских лет, особенно того периода, когда талант Маяковского достиг наивысшего расцвета, когда с наибольшей силой раскрылось все художественное богатство великого поэта социализма.

Обращая главное внимание исследователей на этот период творчества Маяковского, партийная печать в то же время подвергла суровой и справедливой критике попытки представить поэта вне всякого развития, движения, изобразить дело так, будто он с первых же лет творчества выступил «готовым» мастером социалистического реализма. Невозможно раскрыть силу и величие поэта, зачеркивая или сглаживая пройденный им творческий путь. В выступлениях «Правды» было указано на решающую роль Коммунистической партии в идейном и творческом росте писателя, на определяющее значение для всего его развития Великой Октябрьской социалистической революции, новой, советской действительности¹.

В этой связи представляется правильным примерное деление творческого пути поэта на три главных этапа, предложенное в заключительном слове К. Симонova на совещании в Союзе советских писателей в январе 1953 года.

Творчество Маяковского первого, дореволюционного этапа развивается прежде всего под воздействием нарастающей революционной бури, под влиянием Горького. Революционные и демократические идеи поэта еще находятся в противоречивом сочетании с элементами формалистического отношения к искусству. В не-

¹ В. Щербина. «За правдивое освещение творчества В. Маяковского». «Правда», 25 марта 1951 г.; «За марксистское освещение творчества В. Маяковского». «Правда», 2 марта 1953 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. ТОВАРИЩ СОЛНЦЕ

В трудное для революции, для Родины время, в 1920 году, Маяковский создает лучисто-радостное, солнечное стихотворение, воспевающее счастье нового мира. Удивительно уже самое его название: «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче (Пушкино, Акулова гора, дача Румянцева, 27 верст по Ярославской жел. дор.)». Сразу же переплетаются здесь фантастика, рассказ о необычайном, исключительном, и точное, достоверное, шутиливо-протокольное сообщение о том, что случилось с ним, поэтом, тогда-то, там-то, в стольких-то верстах от Москвы, по такой-то железной дороге. Стихотворение-гимн, в котором солнце, свободный человек и его поэзия стоят рядом, с первых же строк разворачивается как непринужденный рассказ о как бы совершенно конкретном, реальном событии — о том, как явилось в гости к Маяковскому светило, как завязалась между ними дружба и как навсегда породнились они, солнце и поэт социализма.

Пользуясь словами самого Маяковского, это стихотворение можно назвать: «Фантазия-факт».

Автор словно хочет сказать читателю: пускай это кажется неправдоподобным, но ведь по сути дела это вполне естественно и обычно — то, что было для людей

литературной общественностью, широкими читательскими кругами, был дан решительный отпор сектантской попытке отлучить от Маяковского всех «инакопишущих», устроить этакую школку закрытого типа, состоящую из трех-четырех учеников, или даже не школку, а частную группу. Пытаться укладывать Маяковского в прокрустово ложе одной «школы» или группы — значит отводить маршалу поэзии командование одним отделением, значит пытаться посорить Маяковского со всей «армией искусств».

Мы духом одно,
 понимаете сами:
по линии сердца
 нет раздела.

Так, отбрасывая прочь групповщиков и сектантов, как живой с живыми, говорит сегодня Маяковский со всей советской поэзией.

Задача данной книги в том, чтобы обратить внимание на некоторые стороны мастерства Маяковского, жизненно важные для развития нашей литературы. Читатель не найдет здесь отдельных параллелей между произведениями Маяковского и других поэтов. Однако, исследуя поучительный опыт великого советского поэта-мастера, мимо которого не может пройти ни один поэт, автор руководствовался словами самого Маяковского, обращенными к товарищам по литературе, товарищам по оружию:

все, что я сделал, все это ваше —
рифмы,
темы,
дикция,
бас!

Что я наделал!
Я погиб!
Ко мне,
по доброй воле,
само,
раскинув луч-шаги,
шагает солнце в поле.

Но солнце, являющееся к поэту, это такое, вплоть до мельчайших подробностей, з е м н о е с о л н ц е, что фантастичность его визита преодолевается, словно разрушается взрывами веселого и радостного смеха.

Хочу испуг не показать —
И ретируюсь задом.
Уже в саду его глаза.
Уже проходит садом.

Обратим внимание на одну только рифму «задом — садом», на первый взгляд неуместную в столь патетический момент, как явление светила. Но совершенно естественно звучит эта озорная рифма в стихотворении, представляющем собой замечательный сплав торжественности и веселья.

В окошки,
в двери,
в щель войдя,
валилась солнца масса,
ввалилось;
дух переведа,
заговорило басом...

(т. 2, стр. 58)

И тут мы впервые слышим живой голос, бас самого солнца, которое сразу же покоряет нас своим могучим добродушием, обаятельно-неуклюжей ласковостью, прикрытой внешней грубоватостью:

«Гоню обратно я огни
впервые с сотворенья.
Ты звал меня?
Чай гони,
гони, поэт, варенье!»

Красный от смущения и от жара, поэт приглашает высокого гостя к столу, к самовару. И вот уже

прошлых веков мечтой, стало для советских людей близким, повседневным.

В сто сорок солнц закат пылал,
в июль катилось лето,
была жара,
жара плыла —
на даче было это.

(т. 2, стр. 56¹)

Весело, громозвучно, звонким, раскатистым голосом начинает поэт рассказ о том, как однажды рассердился он на солнце, «занеженное» в облаках:

Я крикнул солнцу:
«Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела заходить,
ко мне
на чай зашло бы!»

(т. 2, стр. 57)

Поэт сразу же начинает говорить с солнцем, как с живым существом, «ругается» с ним, как с провинившимся приятелем. Он настолько «снижает» образ солнца, что вопреки всем законам природы заставляет его спуститься на землю. И, конечно, оправдана здесь игра слов: «чем так, без дела заходить, ко мне на чай зашло бы!» В неожиданном переключении слова заходить из «астрономического» плана в бытовой, в этом каламбуре, как в капле воды, отразилась структура стихотворения, его внутреннее образное движение.

Добродушно-сердитое, фамильярное обращение поэта к солнцу необычно, но, при всей условности, оно еще не выводит нас за рамки вероятного. В следующих строках поэтическая фантазия уже взмывает над житейским правдоподобием:

¹ Тексты Маяковского цитируются по Полному собранию сочинений поэта в двенадцати томах, под общей редакцией Н. Н. Асеева, Л. В. Маяковской, В. О. Перцова и М. И. Серебрянского. Гослитиздат, 1939—1949.

Так Маяковский отвечал Пушкину, так протягивал ему руку «через хребты веков».

«Необычайное приключение» — поэтический рассказ о том, как засияло солнце новой жизни после того как грянул гром Октября. Разговор человека с солнцем — дружеский, товарищеский, сердечный разговор равных. Только поэт нашей, советской эпохи мог с такой поэтической смелостью, в такой живой, предельно конкретной, образной форме рассказать о солнце, о счастье новой жизни.

Солнце в его стихотворении — это именно образ солнца, живой, конкретный, индивидуальный и в то же время несущий большую мысль о счастье нового мира, глубокое поэтическое обобщение. Это, если пользоваться словами самого поэта, — «товарищ солнце» (т. 8, стр. 45), «советское солнце» (т. 10, стр. 92), лучезарно радостный образ «солнечного Ленинского социализма» (т. 10, стр. 166).

Образ поэта — лирического героя стихотворения — это прежде всего образ труженика. Поэт пригласил солнце на чай, но между ними сразу завязался деловой разговор, разговор двух работников, тружеников. Тяжелая повседневная работа в РОСТА оказывается столь же нужной, несущей людям свет и радость, как и работа солнца. Для них обоих, для светила и для поэта, жить — значит трудиться, а трудиться — значит вырабатывать счастье.

Так в веселом, непринужденном стихотворении открываются черты мировоззрения Маяковского — его неиссякаемый оптимизм, брызжущий весельем и светом, оптимизм труженика, деятеля, который не просто верит в счастье, но сам создает, вырабатывает его в труде и в борьбе.

Вместе с тем в «Необычайном приключении» сильно и ясно выражены некоторые особенности художественного мышления Маяковского. Это именно художественное мышление, образное видение действительности. Образ выступает не как дополнительный, декоративный элемент произведения, не как поэтическая бутафория. Нет, в образах, в их движении, в сюжете воплощены самые дорогие для писателя идеи, ради

полилась простая, непринужденная беседа «про то, про это», поэт, как с другом, делится с солнцем своими заботами. И читатель тоже вместе с поэтом освоился с непривычной ситуацией, поверил в это необычайное, «беззаконное» солнце, увидел, услышал его и, наверное, даже подумал: до чего же симпатичное светило!

Однако задача стихотворения не в том, чтобы просто оживить, «снизить» солнце, спустить его на землю, и не в том, чтобы поэту вознестись до солнца, оторвавшись от земли. Замысел всей этой «фантазии-факта» в том, чтобы, говоря о солнце, о дружбе с ним советского поэта, воспеть родную, радостную, освобожденную, солнечную землю.

И поэтому так естественно переводится шутливо-бытовой, житейский план в высокий, радостно-торжественный. Солнце и поэт, став рядом, обнявшись, как два верных товарища, призывно, звонко, заразительно-весело провозглашают победу света над мраком:

Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и солнца!

(т. 2, стр. 62)

«Вакхическая песня» Пушкина предвещала грядущее торжество свободного человеческого разума и муз над «ложной мудростью», наступление «ясного восхода зари»:

Да здравствует солнце, да скроется тьма!

«Необычайное приключение» Маяковского, написанное столетие спустя, когда великое солнце свободы вошло над Россией, возвестило:

Стена теней,
ночей тюрьма
под солнц двустволкой пала.
Стихов и света кутерьма,
сияй во что попало!

(т. 2, стр. 61)

Все эти гиперболические образы, сравнения, метафоры объединены и оправданы одной покоряющей воображение, глубоко жизненной гиперболой — свободный человек, хозяин нового мира, стал рядом с солнцем, стал другом солнца.

Перед нами пример того сознательного преувеличения, заострения образа, которое не исключает типичности, а полнее раскрывает и подчеркивает ее. В образах поэта и солнца, в фантастическом на первый взгляд рассказе об их дружбе поэтически сгущена и заострена большая мысль.

Не просто поэт Владимир Владимирович Маяковский, проживающий там-то и там-то на даче, но образ типический, утверждающий новый взгляд человека-творца на мир.

Не просто солнце, а образ солнца, одушевленного, сходящего со своей непреложной орбиты, внешне неправдоподобный, гиперболический и вместе с тем глубоко жизненный образ, за которым встает вся наша солнечная земля. Не тысячелевовое светило воспевае поэт, а свое неповторимое время, свою эпоху, свою родную землю.

Стихотворение предваряется географически точным указанием места — 27 верст от Москвы по Ярославской железной дороге. Но вот развернулась перед нами поэтическая картина — и уже не Пушкино, не Акулова гора место действия, а вся наша страна, весь мир, озаренный поднимающимся солнцем социализма.

Сила гиперболы Маяковского — в ее ясной идейной направленности. И вместе с тем — в ее художественной убедительности. Мало связать образ нового мира с солнцем — нужно художественно закрепить, воплотить в живом, человечески непосредственном, индивидуальном образе это гиперболическое сравнение. В противном случае перед нами окажется отвлеченная, худосочная аллегория, которую читатель воспринимает только логически. Образы солнца и поэта покоряют нас тем, что в них воедино слиты идейная сила, значительность и могучее человеческое обаяние.

Дерзостная фантастика сплавлена здесь с такими